

В. Г. Белинский

**Очерки жизни
и избранные
сочинения Александра...**

Виссарион Григорьевич Белинский
Очерки жизни и избранные
сочинения Александра
Петровича Сумарокова,
изданные Сергеем Глинкою...
Части вторая и третья

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823695

Аннотация

«...Первая статья второй части содержит в себе неоспоримые доказательства, что новую русскую словесность Ломоносов и Сумароков изобрели оба вместе, а не кто-нибудь один из них. Тут же желающие могут найти и сильные опровержения несправедливой мысли, будто бы Сумароков с Ломоносовым были во вражде...»

Содержание

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Очерки жизни и
избранные сочинения
Александра Петровича
Сумарокова, изданные
Сергеем Глинкою...
Часть вторая и третья**

*Санкт-Петербург. 1841. В тип. С.С. Глинки и Ко.
В 8-ю д. л. Часть вторая и третья. Во II-й части
253, в III-й – 278 стр.*

Эти две книги суть благополучное продолжение и окончание благополучно начатого великого труда¹. С.Н. Глинка очень деятелен: он издает журнал – и притом какой превосходный журнал!² Он издает биографии замечательных русских людей, пишет статьи обо всем; наконец, в качестве кри-

¹ Рецензию на I часть этого издания см.: наст. т., с. 457–461.

² См. примеч. 1 к рецензии на I часть этого издания.

тика и историка, *предъявляет* нам, – говоря его любимым и многозначительным словом, – «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова». А что еще прежде-то, времена оны писывал С.Н. Глинка – ужас! И драмы, и лирические стихи, и историю России, и патриотические статьи...³

Первая статья второй части содержит в себе неоспоримые доказательства, что новую русскую словесность Ломоносов и Сумароков изобрели оба вместе, а не кто-нибудь один из них. Тут же желающие могут найти и сильные опровержения несправедливой мысли, будто бы Сумароков с Ломоносовым были во вражде. Жаль только, что при этом случае г-ну Глинке заблагорассудилось не сказать ни слова об известном письме Ломоносова к Шувалову, письме, в котором выражается со стороны великого мужа столько презрения к Сумарокову...⁴ В этой же любопытной статье *предъявляется* совершенно новое и оригинальное мнение, что «в оде Ломоносова более полета восторженного: а в первых лирических стихах Сумарокова более мягкости, не чуждой, однако, ни

³ Наиболее плодотворным периодом в творчестве С. Н. Глинки являлась первая четверть XIX в. В это время им были написаны «героические драмы» («Наталья, боярская дочь», по мотивам повести Н. М. Карамзина; «Осада города Полтавы»; «Антонио Гамбо» и др.), трагедии («Сумбека, или Падение Казанского ханства»; «Михаил Черниговский» и др.), повести («Царица Наталья Кирилловна» и др.). Его перу принадлежат также «Русская история», «Записки о войне 1812 года», «Русские анекдоты, военные, гражданские, исторические».

⁴ Цитата из письма Ломоносова И. И. Шувалову от 19 января 1761 г. приведена в рецензии на I часть (см. наст. т., с. 460).

порыва, ни силы выражения поэтического». А вот и доказательство:

*Вперяясь в перемены стран,
Взыграй, взыграй моя мне лира!
И счастья шаткого обман,
И несколько хотя исчисли
Людей тщеславных праздны мысли,
Тех смертных, коих праха нет.
Которы в ярости мешались
И только в книгах лишь остались
По памяти ужасных бед.⁵*

Кто не согласится, что это и мягко и не чуждо ни порыва, ни силы выражения поэтического?..

Впрочем, мы должны отказаться от удовольствия следить г-на Глинку шаг за шагом: это решительно невозможно. В этой второй части «Очерков жизни и сочинений Сумарокова» наговорено много хорошего о Сумарокове, но еще больше о предметах, не имеющих к Сумарокову никакого отношения, как-то: об Александре Македонском, о Гомере, Пиндаре, Анакреоне, Софокле, обо всех латинских поэтах, о некоторых итальянских, немецких, французских, английских, индийских, камчатских и, между прочим, о Байроне,

⁵ Критик вольно цитирует начальные строки «Оды XIX. Сочиненной в первые лета моего во стихотворении упражнения». (Эта ода входит в состав «Разных од».)

что он в своих творениях не сказал ничего нового, а все повторял давно уже до него и чуть ли не Сумароковым сказанное... Ну как угоняться за таким Протеем, как не потеряться в таком разнообразии и множестве предметов, о которых с такую nepocтижимую легкостью трактует наш сочинитель?... Вот почему от первой статьи второй части переходим прямо к первой главе третьей части,

Сумароков знал Шекспира; отдавал справедливость красотам этого nepocтижимого чародея драматического; но в то же время, по духу тогдашней европейской словесности, почитал в нем то безобразным, что теперь почитается первым венком поэта британского; то есть: переход в его трагедиях от *великана* к *карлу*, от *кедра* к *исопу*. К драмам его можно применить то, чем Наполеон 1812 года «огромил быт европейский». «От великого до смешного, – сказал он, – один шаг». Это живая картина мишурного и превратного нашего света; это душа единственного Шекспирова гения.

Весь этот отрывок мы выписали более для того, чтоб показать, каким волшебным орудием делается перо в руках г-на Глинки. «Наполеон огромил быт европейский»; – ново, оригинально и смело!

В трех следующих за первую статью содержатся разборы трагедий Сумарокова: «Хорев», «Гамлет» и «Синав и Трувор». Разбор «Хорева» отличается удивительно тонкою критикою, которая, – говорим это не шутя, – ничем не уступа-

ет критике Лагарпа, если еще не превзойдет ее. За разбором «Хорева» следует и сам «Хорев», перепечатанный почти весь, за исключением шести с половиною страниц. Знаменитый наш критик оканчивает свою перепечатку следующей патетической сценою:

П о с л а н н ы й
Скрепися, государь!

К и й
О злое рока жало!

В е л ь к а р
Что сделалось здесь?

П о с л а н н ы й
Оснельды! *ах!* не стало!

Все остальное г. Глинка «предъявляет» в прозаическом сокращении, не желая «огромлять быта российского» раздражающею душу сценою. Но мы не хотим быть сострадательными к публике, «огромим» ее продолжением патетической сцены и окончательным монологом злополучного Хорева, стремящегося в ад для соединения с своею *дражайшею* Оснельдою:

В е л ь к а р
Какой, увы! удар...

К и й

Почто я в свет рожден!
К чему, несчастливый, я ныне приведен!

В е л ь к а р
Какие лютости душа твоя имела,
Что в горести ее (?) хранить не умела.

К и й
Не ведаешь еще несчастий ты моих.

В е л ь к а р
Что может, государь, быть больше бед нам сих?
Оснельды нет, Хорев...

К и й
Хорев теперь в покое:
Ах, мнит ли он прийти на зрелище такое!
Скажи, что видел ты?

П о с л а н н ы й
Я с вестью к ней шел...
О боги! какову Оснельду я нашел!
Смутился *весь* мой дух, и сердце задрожало:
То тело на одре бесчувственно лежало,
Увяли красоты, *любви заразов нет...*

К и й
Сокройся от очей моих, противный свет!

Именно – сокройся!.. Нет, мы не можем больше выписы-

вать: какая «заразительная» поэзия!.. Из глаз текут слезны токи, руки дрожат... Но соберемся с силами – вот конец:

К и й

Карай *мя*, я твое сокровище похитил.

Х о р е в

Пускай сей кровию тебя твой гнев насытил,

Который *толь тебя на мя* ожесточил,

Но если ты о мне когда-нибудь *ранил*,

Так сделай только то, о чем напоминаю!

Сие прошение исполнишь ты, я знаю:

Отдай *Завлоху* меч, свободу возврати,

И воинство все с ним из града *испусти*.

(К и й *отдает* Завлоху меч, а Х о р е в *говорит* Завлоху:)

А ты, несчастный князь! возьми с собой то тело,

С которым сердце быть навек хотело,

И *плачем омочив* лишенное души,

Предай его земле; над гробом напиши:

«Девица, коей прах в сем место почивает!

И в аде со своим Хоровом пребывает,

Котораго она любила в жизни сей,

Хорев, ее лишась, последовал за ней» (*заколелся*).

Странное дело: отчего не дают на театре этой прекрасной трагедии? Как бы хорош был в роли злополучного Хорева г. Толченев старший!..

В разборе «Гамлета» сумароковского особенно замечателен тонкий суд нашего пронизательного критика о Шекспире:

Стало быть, творения Шекспира – солнце без темных мест? Сказано было выше, что и на английском театре выпускают некоторые явления из его драм, *отжившие в новое время*. Были у Е(Э)врипида фурии: есть и у Шекспира *ведьмы*. У Е(Э)врипида фурии выведены но крайней мере для изобличения преступной совести; у Шекспира ведьмы забрасывают в душу Дунканова полководца ядовитые семена властолюбия и *тлетворные порывы убийства*. Следственно: полководец не виноват. Дух убийства *не в нем* зародился, но *извне* вторгнулся в грудь его.

Именно так! глубокая мысль! Правда, европейские критики толкуют, будто ведьмы у Шекспира не что иное, как страшная поэтическая апофеоза мрачных помыслов, таившихся в сокровеннейших недрах властолюбивого духа Макбета; но это решительный вздор: европейские критики не читали ни Сумарокова, ни г-на Глинки, а потому и ничего не смыслят ни в искусстве, ни в критике.

Пятая статья особенно замечательна: в пей проведена параллель между «Борисом Годуновым» Пушкина и «Димитрием Самозванцем» Сумарокова. Глубокомысленный Лрп-старх наш ни слова не говорит о том, которая из двух трагедий выше; по наша пронизательность и наша симпатия к образу мыслей господина критика раскрыли нам его задушев-

ную мысль. Да и где бедному Пушкину было бороться с Сумароковым, если сей трагик победил самого Шекспира!⁶ Да, читатели, победил, «огромил» и «предъявил»... Слушайте, слушайте:

Смелым, отважным порывом Сумароков выставил *Самозванца*, провозгласителем Суда Божия, гремевшего над его главою. На все вопросы *наперсника* своего *Пармена*: что причиною смущения и тревоги его душевной? он *гласно*, утвердительно отвечает:

Зла Фурия во мне смятенно сердце гложет;
Злодейская душа спокойна быть не может!

Здесь Сумароков, в отношении развития волнения душевного, превосходнее того, что Шекспир *предъявлял* в своем «Макбете». В сердце этого властолюбца чары *ведьм* пересилили жажду владычества; следственно, альбионский поэт как будто оправдывает неистовства *Макбета*, приписывая их вдохновению силы посторонней. Но ад Самозванца и возник и свирепствовал в душе *его* собственными *его* вдохновениями. Он был жертвою самого себя и он разительно высказал тайну Суда Божия, казнившего *его* им *самим*.

Совершенно справедливо! в вящее доказательство этого выписываем следующий анекдот о Сумарокове:

⁶ Имеется в виду опыт переложения «Гамлета», принадлежащий А. П. Сумарокову (1748, драматург опирался на французский текст трагедии).

После первого представления Димитрия Самозванца на московском театре, одна барыня из *того тогдашнего* круга, в котором «Скапиновы плутни» называли трагедией, приехала к Анне Петровне, родной сестре Александра Петровича, и, разохавшись от восторга и удивления, восклицал: «Ну, уж! как же весело было, матушка! вашему братцу! В театре так-то хлопали, что мне кажется все руки пообколотили себе!»

А тут, как сон в руку, шась в гостиную и сам торжествующий поэт! Лицо его сияло удовольствием; от порывистых взлетов головы подпудренной рыжеватый парик перекалился на один висок; по кружевным манжетам струились густые полосы испанского табаку. Спеша подарить счастливого поэта радостным приветом, Анна Петровна сказала: «Ну, братец! вот эта госпожа говорит, что хлопанье восхищенных зрителей оглушало весь театр». Сумароков подлетел к гостье, уселся подле нее и, ожидая новых *пальмов* (пальм?), спросил со всею уклончивостию увенчанного поэта: «Скажите, сударыня! Что более всего вам понравилось?» – «А как стали плясать, мой батюшка!» – отвечала гостья. Закипев досадою, Сумароков вскочил со стула, вскрикнул на сестру: «Охота тебе принимать к себе таких дур!», схватил шляпу и – убежал.

Это была лучшая трагедия, сочиненная Сумароковым!

В заключение, мы хотим привести мнение Пушкина о некоторых старинных наших стихотворцах. Почему же и не так: Сумароков великий пиита, господин С.Н. Глинка вели-

кий критик, а Пушкин – ну, хоть порядочный стихотворец и не глупый человек; следовательно, и его скромное мнение может иметь место и вес даже при глубоких «предъявлениях» и «огромлениях» г-на Глинки. Вот что *предъявляет* Пушкин в статье своей «Ломоносов»: ⁷

В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное, и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах па высокаторжественный день тезоименитства л проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмотворчестве не думает*. Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении. Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и проч.

⁷ Название «Ломоносов» было дано главе из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» при первой ее публикации в посмертном собрании сочинений Пушкина (т. IX. СПб., 1841). Курсив в цитатах принадлежит Белинскому.

.....

Вообще, изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. *Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского.* (Том XI, стр. 22 и 34)